

Паузы вызывают чувство протеста

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Роль репортера в недавней премьеры в Театре на Малой Бронной "Дорога в Нью-Йорк" сыграл заслуженный артист России Олег ВАВИЛОВ. Награжденный в позапрошлом году за роль Несчастливцева в спектакле "Лес" премией "Хрустальная Турандот", этот актер давно известен зрителю своими разносторонними возможностями.

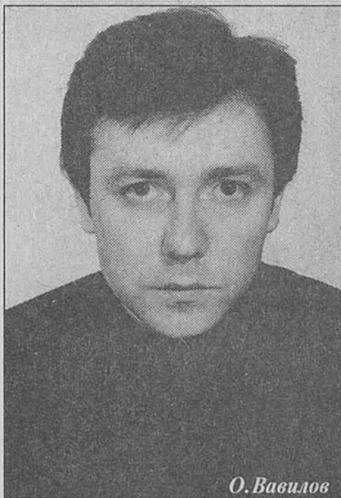
Пластичен, прекрасно двигается, хорошо поет. Крепко усвоив уроки любимого педагога ГИТИСа Марии Николаевны Орловой, которая стремилась привить вкус к самостоятельной работе над ролью, понимание, во имя чего выходишь к зрителю, умение поставить себя на место героя в предлагаемых обстоятельствах, Олег Вавилов переиграл множество самых разных ролей классического и современного репертуара. А начинал он свой путь в Казани сразу с главных ролей в спектаклях "Затюканный апостол", "Валентин и Валентина", "Забывать Герострата", "Дикарка".

Олег, вы не жалуете, что после трех лет серьезной работы в драматическом театре вам пришлось играть в Московском тюзе медведя и царя Салтана?

— Никогда не считал работу для детей менее серьезной. Она является хорошей проверкой твоей состоятельности. Если тебе поверил ребенок, тебе уже ничего не страшно. На наши спектакли они приходили с родителями. У меня сохранился снимок зала на спектакле "Три мушкетера", где я играл Д'Артаньяна, реакция и детей, и взрослых абсолютно одинаковая. Из Тюза вышло много замечательных артистов.

Из Тюза вы ушли на Малую Бронную только из-за роли декабриста Лунина?

— Мне предложили эту роль в спектакле "Лунин, или Смерть Жака". Так случилось, что репетиции шли очень долго, все, кто был до меня, по каким-либо причинам не доходили до премьеры. В этой пьесе Э.Радзинского использованы записки Михаила Сергеевича Лунина, оставленные им в заточении в Акатуе, переписка с сестрой. Это удивительный чело-

О. Вавилов

век. Двадцать лет тюрьмы не сломали его. Я бы и сейчас с удовольствием продолжал играть эту роль, потому что все, о чем там говорится, и сейчас ко времени.

— Но нужны ли театру спектакли-долгожители?

— Я думаю, вопрос заключается в том, нужны ли они зрителю. Безусловно, с годами постановки претерпевают изменения, порой не в лучшую сторону, с некоторыми жалко расставаться, другие дороги как память. Их судьба зависит от того, какую участь уготовил им зритель. Если зал полон, есть интерес, нужно пойти на какие-то изменения, но сохранить, сберечь спектакль.

— Говоря о Малой Бронной, нельзя не вспомнить Эфроса.

— После премьеры "Лунина", хоть это и был не его спектакль, а режиссера Дунаева, Анатолий Васильевич подошел ко мне и сказал, что я выдержал достойный экзамен. Уже будучи главным режиссером Таганки, он часто приходил в свой прежний театр, сидел в гримерной, прислонившись затылком к стене, и говорил: "Подождите, Олег, мы еще с вами поработаем". Не сбылось. Я очень сожалею, что был занят только в четырех его спектаклях, причем в двух из них был введен: в "Месяц в деревне" сначала на роль Беляева, потом Ракитина и в "Женитьбу" на роль Кочкарева. Когда я сыграл Вершинина в "Трех сестрах", многие говорили, что я

слишком молод. Но Эфрос хотел, чтобы герои смотрели на мир широко распахнутыми молодыми глазами. Для Турковского в "Воспоминании" я тоже был молод, и Анатолий Васильевич подшучивал, переспрашивая меня: "Неужели вам 28, а я думал, что 38". Он умел создавать атмосферу. Эти четыре роли — огромная школа для меня.

— С Дуровым вы партнеры в "Женитьбе" и "Дон Жуане". Он же как режиссер пригласил вас в спектакли "Лес" и "Дорога в Нью-Йорк". В каком качестве Лев Константинович нравится вам больше?

— Я его очень люблю, надеюсь, что это взаимно. Как партнер он великолепен, как режиссер он мне доверяет, но на репетициях без споров нельзя. Если я могу его убедить, он всегда признает мою правоту. Эти ступени нужно преодолеть.

— Раньше вы появлялись на сцене два-три дня в неделю, сейчас два-три раза в месяц.

— Это ужасное состояние. Я не умею сидеть без работы, могу и хочу играть. Паузы вызывают чувство протеста. Сейчас у меня появилась возможность играть в спектакле "Романсы с Обломовым" в театре Марка Розовского, с которым я знаком с "Трех мушкетеров". Увидав меня однажды летом на пляже в Мисхоре, он воскликнул: "Ты же настоящий Обломов". Я даже обиделся, а он пообещал, что это будет совсем другой человек, который к тому же еще и запоет. Теперь я пою романсы.

— А кино? Вы ведь просто созданы для него.

— Это вы так считаете. Я все ждал, что найдется режиссер, который пригласит на роль и скажет: "Вот вы-то мне и нужны". Но этого не происходило. Самому ходить и просить как-то неловко, да и соглашаться играть только для того, чтобы мелькать, тоже не хочется.

— Самому режиссером никогда не хотелось стать?

— Это очень ответственно. Нужно быть хорошим режиссером. Я ведь играл у Эфроса. У меня такой пример перед глазами, что решиться на эксперимент трудно.

Беседу вела
Татьяна ПЕТРЕНКО